

Монашество Западной Сибири в XVII в.*

XVII век занимает особое место в истории Сибири. В это время шло активное земледельческое освоение края, становление системы регионального управления, формирование местного сообщества, ядром которого было русское старожильческое население со своим жизненным опытом, системой ценностей и норм, опиравшихся на православие. Организуя свое жизненное пространство на колонизируемых территориях, русские создавали необходимую систему культовых объектов (православный ландшафт), важным элементом которой служили монастыри. К настоящему времени основательно изучена социально-экономическая история урало-сибирских обителей, но гораздо меньше внимания уделено их насельникам.

Монастыри являлись закрытыми корпорациями, что изначально создает трудности в изучении их внутренней жизни. Крайне скудная источниковая база XVII в. еще больше усложняет задачу. В распоряжении исследователей имеются в основном документы «внемонастырского» происхождения – переписка местных и центральных, светских и церковных властей, дозорные и писцовые книги, городовые книги выдачи жалованья и т. д. Эти источники предоставляют весьма ограниченное поле для исторической реконструкции. Осознавая все эти трудности, мы попытаемся, опираясь на работы коллег о средневековом русском монашестве¹, реконструировать в данной статье пути формирования, состав и уклад жизни монашеских общин Западной Сибири в XVII в.

В монастыри людей приводили разные жизненные ситуации. Это мог быть духовный и нравственный выбор пути служения Богу

* Исследование проводилось при финансовой поддержке гранта РГНФ № 08-01-00426а «Религиозный ландшафт Урала и Северо-Западной Сибири в XVI–XX вв.: материалы к атласу».

¹ См.: Смолич И. К. Русское монашество. Возникновение, развитие и сущность (988–1917). М., 1999; Монашество и монастыри в России. XI–XX века. Исторические очерки. М., 2002; Романенко Е. Повседневная жизнь русского средневекового монастыря. М., 2002; и др.

© Манькова И. Л., 2009

через принятие монашеских обетов, как, например, у Степана Храпа (Стефана Пермского), Трофима Подвизаева (Трифона Вятского), Дмитрия Мокринского (Далмата) или Алексея Любимова-Творогова (Афанасия). Однако чаще человек принимал решение уйти в монастырь под давлением жизненных обстоятельств, что было характерно для Средневековья². В малоосвоенном крае, каким была Западная Сибирь в конце XVI–XVII в., где жизнь подвергалась опасности из-за постоянной военной угрозы со стороны воинственных соседей, принятие пострига в случае увечья, немощи, старости было обычным делом. Так, Тобольский Знаменский монастырь стал последним пристанищем для многих сподвижников Ермака, оставшихся на службе в Сибири и на старости лет оказавшихся одиночками, «обнищавшими глазами» калеками.

В переписке 1621–1623 гг. между первым сибирским архиепископом Киприаном, царем Михаилом Федоровичем и патриархом Филаретом неоднократно отмечалось, что «многие мужи и жены в болезнях постригаются в иноческий образ». Далеко не всегда это был глубоко осознанный духовный выбор, не все постригшиеся были готовы в молитве, посте и послушании провести остаток жизни³.

В архивах сибирского делопроизводства встречаются челобитные, авторы которых просили разрешения оставить службу или освободить их от несения крестьянских обязанностей в связи с уходом в монашество. Как правило, в этих документах присутствует и мотивация выбора. Так, в 1658 г. пелымский стрелецкий десятник Ларион Захаров просил отпустить его со службы и разрешить постричься в Верхотурском Николаевском монастыре «для иво старости»⁴. В 1671/72 г. крестьянин Пышминской слободы Верхотурского уезда Гаврило Орлов подал челобитную приказчику этой слободы Григорию Ежовскому. Он просил отпустить его постричься в монастырь и подрядить кого-нибудь на его денежный оброк, потому что «он, Гаврило, стар и увечен, в государеву казну денежным оброком измогатца не в мочь, а человеченко одинокой, детей и братьей нет, в государеву казну денежново оброку платить не кому вмес-

² См.: Смолитч И. К. Русское монашество ... С. 168.

³ См.: Миллер Г. История Сибири. М., 2000. Т. 2. С. 323.

⁴ См.: Игумен Тихон (Затёкин), Нечаева М. Ю. Уральская лавра. Екатеринбург, 2006. С. 41.

то ево»⁵. Из этих примеров видно, что причиной ухода в монастырь была неспособность выполнять обязанности перед государством. На страницах двух сохранившихся вкладных книг Далматовского Успенского монастыря последней трети XVII в. встречаются имена 19 человек, ставших монахами этой обители, из них шестеро приняли постриг перед смертью и скончались в год прихода в монастырь⁶.

Были случаи, когда в монастыри мужья приводили своих жен, отцы – дочерей. Так, в 1676 г. затинщик Ирбитской слободы Афанасий Черемной просил отпустить его в Тобольск, чтобы отвести жену в монастырь и «постричши». Она дала обет принять постриг в Тобольском девичьем монастыре и «тружатца по смерть свою потому что ногою правою болна»⁷. Верхотурские власти обещали дать А. Черемному проезжую грамоту до Тобольска, если намерение его жены будет подтверждено ее духовным отцом. Очевидно, это было сделано во избежание насильственного пострига. В 1696 г. богоявленский поп Афанасий из Катайского острога привел постригать в «нижнюю ограду» Далматовского Успенского монастыря дочь девицу Анастасию⁸.

Решения освященных соборов 1667 г. и 1682 г. содержат строгие запрещения постригать вне стен монастырей, даже тех, кто находился на смертном одре, а также беглых «от законных своих жен и от господей своих». Разreshалось постригать «в немощи» только старых людей и тех, у кого не было жен и детей, а также тех, «которые с согласиен жен своих и родителей». Провозглашалась обязательность искуса не менее трех лет, человек должен был проверить себя, сможет ли он «терпети монашеское пребывание»⁹.

⁵ РГАДА. Ф. 1111. Оп. 1. Д. 41. Л. 117–118.

⁶ См.: Вкладные книги Далматовского Успенского монастыря (последняя четверть XVII – начало XVIII в.): сб. док. / сост. И. Л. Манькова. Свердловск, 1992.

⁷ РГАДА Ф. 1111. Оп. 1. Д. 70. Ч. 3. Л. 331–332.

⁸ См.: Вкладные книги Далматовского Успенского монастыря ... С. 112.

⁹ См.: Книга соборных деяний о разных делах и о нужных церковных винах. Вопросы и ответы. 1667 г. М., 1881. С. 25–26; Соборное постановление по предложению царя об учреждении новых епархий, о предании раскольников градскому суду, о церковном и монастырском благочинии // АИ. СПб., 1842. Т. 5. С. 113.

Как свидетельствуют источники, выбор монастыря для пострига не зависел от социального положения решившего дать монашеский обет. Он был обусловлен либо близостью расположения, либо какими-то личными привязанностями. Например, основатель Исетской пустыни (впоследствии Далматовского Успенского монастыря) старец Далмат до пострига был тобольским сыном боярским, монашество принял в Невьянском Богоявленском монастыре, а его обитель на реке Исети стала пристанищем для жителей близлежащих слобод и деревень, в основном крестьян, реже беломестных казаков и представителей духовенства¹⁰.

В документах XVII в. практически не встречаются сведения о возрасте монашествующих и данные о том, во сколько лет тот или иной человек принял постриг. По косвенным данным можно установить, что старцу Далмату было около 50 лет, когда он удалился в Невьянский монастырь. А будущий архиепископ Холмогорский и Важеский Афанасий пришел в Далматову обитель в юношеском возрасте. Самым ранним документом, который дает представление о возрастном составе монашеской общины, является описание Невьянского Богоявленского монастыря 1703 г.¹¹ Из него следует, что самыми «молодыми» были трое (из 17) монахов в возрасте 50 лет. Десяти старцам исполнилось более 80 лет. Средний возраст братии составлял 73 года. Таким образом, подавляющая часть невянской монашеской общины были людьми весьма преклонного возраста с большим опытом монашеской жизни. Лишь у четверых старцев «иноческий стаж» составлял менее 10 лет. Пятидесятилетний строитель иеромонах Киприан, возглавлявший в то время монастырь, вступил в иночество в возрасте 29 лет. Среди невянской братии 1703 г. это был самый ранний возраст принятия пострига.

Становление традиционного монастырского уклада жизни на территории Западной Сибири происходило с большими трудностями. Об этом свидетельствует комплекс документов об устранении «беззаконий» в церковной жизни сибирского общества начала 1620-х гг. «От воевод и от приказных людей, которые преже сего бывали в Сибири», патриарху Филарету стало известно о многочисленных нарушениях христианских норм жизни в сибирских

¹⁰ См.: Вкладные книги Далматовского Успенского монастыря ...

¹¹ См.: РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 853. Л. 292–292 об.

городах. Об аналогичных «нестроениях» писал в Москву и архиепископ Киприан¹².

Направляясь к месту службы и проезжая впервые по своей епархии от Верхотурья до Тобольска, сибирский владыка обратил внимание на монастырские «нестроения», попытался выявить их причины и принял меры к их устранению. Можно выделить следующие направления его мероприятий: 1) кадровые изменения в управленческом звене существовавших монастырей; 2) создание новых обителей со строгим делением на мужские и женские; 3) ограждение монашества от обмирщения; 4) материальное обеспечение монастырей.

До создания Сибирской епархии в 1620/21 г. практически все вопросы церковной жизни края решались светской властью в Москве, хотя формально Сибирь относилась к Вологодской и Великопермской епархии. Распоряжения по церковным делам адресовались местным воеводам, которые и должны были их выполнять. Обычной была практика решения светскими властями вопросов внутримонастырского устройства. Ярким примером тому является грамота царя Михаила Федоровича о настоятеле Верхотурского монастыря, адресованная верхотурскому воеводе В. Л. Зюзину, от 9 марта 1615 г.¹³ Эта обитель возникла в 1604 г. благодаря инициативе, настойчивости и предприимчивости черного попа Ионы, ставшего его первым игуменом. Со временем из-за преклонного возраста Иона уже не мог выполнять служебные обязанности, и в 1615 г. по указу царя был определен новый игумен. Выбор пал на верхотурского черного попа Герасима, который лично ездил в Москву за назначением. В связи со сменой руководства верхотурскому воеводе

¹² См.: Грамота патриарха Филарета архиепископу сибирскому Киприану о религиозном состоянии его паствы и о мерах к установлению благочестия от 11 февраля 1622 г. // Миллер Г. История Сибири. Т. 2. С. 323; Грамота царя Михаила Федоровича архиепископу Киприану по его отписке патриарху Филарету о непорядках в сибирских монастырях, духовных делах, извете Казарина Чеглокова, распре с тобольским воеводой М. М. Годуновым от 29 июля 1622 г. // Тобольский архиерейский дом в XVII веке. Новосибирск, 1994. С. 195–196; Отписка тобольского воеводы М. Годунова туринскому воеводе С. Апухтину об устранении «беззаконий» церковной и общественной жизни в сибирских городах, не ранее 31 января 1623 г. // Миллер Г. История Сибири. Т. 2. С. 344.

¹³ См.: Архив СПбИИ РАН. Ф. 28. Д. 30.

предписывалось составить опись имущества, хлебных запасов и строений монастыря, все описанное передать новому игумену, а также назначить ему ругу в размере 4 руб. (как и прежнему настоятелю) до нового царского указа.

Приехав в Сибирь в 1621 г., архиепископ Киприан начал укрепление основ монастырской жизни со смены руководства в монастырях, тем самым обозначив свой приоритет в этом вопросе. Во главе пяти из восьми обителей были поставлены постриженники больших российских монастырей, прибывшие с Киприаном (табл. 1).

Таблица 1

**Назначения настоятелей и причетников в монастыри
Сибирской епархии, сделанные архиепископом Киприаном в 1621 г.**

Монастырь	Год основания	Имя, назначаемая должность	Место или обстоятельства принятия пострига
Верхотурский Николаевский	1604	Герман*, игумен Макарий, старец, строитель Феодосий, старец, черный поп	Троицы Сергиев монастырь (<i>Иосифов Волоцкий монастырь</i>)** Иосифов Волоцкий монастырь <i>Пострижен Киприаном</i>
Верхотурский Покровский женский	1621	Поп, дьячок, пономарь	—
Невьянский Преображенский (Богоявленский)	1621	Серапион, старец, строитель Христофор, черный поп Семион, старец, служебник	Соловецкий монастырь Верхотурский Николаевский монастырь Не известно
Тагильский Рождественский	1621	Авраамий, игумен Варлаам, строитель	Тагильский Рождественский монастырь Не известно
Тюменский Преображенский	1615/16	Авраамий (Сергий)***, игумен	Пострижен ростовским митрополитом Варлаамом Роговым

Монастырь	Год основания	Имя, назначаемая должность	Место или обстоятельства принятия пострига
		Иона Лихорев, старец, строитель Онофрей, старец, келарь	Кирилов Белозерский монастырь Новгородский Антоньев монастырь
Тобольский Николаевский (Знаменский, Успенский)	До 1610	Мефодий, архимандрит Феодосий, строитель Ферапонт, черный дьякон	Не известно Ярославский Преображенский монастырь Печерский монастырь
Березовский Воскресенский	1610	Тарасий, игумен	Коряжемский Никольский монастырь
Туринский Покровский	Между 1604 и 1621	Макарий, черный поп, игумен Два старца	— —

Источники: Грамота царя Михаила Федоровича архиепископу Киприану о посылке воеводам Тобольска, Верхотурья, Туринска и Березова царских грамот, подтверждающих распоряжение архиепископа Киприана о создании в этих городах новых церквей, монастырей, об определении священников и монахов и по другим делам от 27 июля 1621 г. // Тобольский архиерейский дом в XVII веке. Новосибирск, 1994. С. 177; Грамота царя Михаила Федоровича в Верхотурье воеводам И. Пушкину и Д. Зубову о руге монастырям Верхотурского уезда и об их переписи от 28 июля 1621 г. // Миллер Г. История Сибири. М., 2000. Т. 2. С. 315–316.

* Скорее всего, в грамотах 1621 г. неверно названо имя игумена, должен быть Авраамий. Игумен Авраамий, посланный Киприаном в Верхотурский Николаевский монастырь вместе со строителем Макарием, упоминается в документах 1622 г., 1624 г., 1629/30 г. и 1630/31 г. См.: Миллер Г. История Сибири. Т. 2. С. 336; РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. № 5. Л. 188 об.; ТОКМ. Кн. 12817. Л. 2; Кн. 12862. Л. 186.

** Здесь и далее курсивом выделены сведения из грамоты от 27 июля 1621 г., отличающиеся от сведений из грамоты от 28 июля 1621 г.

*** В грамоте от 25 января 1622 г. о назначении руги Тюменскому Преображенскому монастырю игумен, посланный архиепископом Киприаном, назван Сергием. Ему же был установлен годовой оклад в размере 10 руб. См.: Миллер Г. История Сибири. Т. 2. С. 321.

Среди ставленников Киприана оказались представители семи обителей, включенных в Лествицы патриархов Иова, Филарета и Иосифа¹⁴. Архимандриты и игумены этих монастырей входили в состав высшей церковной иерархии и участвовали в церковных соборах. В Тюменский Преображенский монастырь был направлен постриженник известного церковного деятеля конца XVI в., кандидата на патриаршество в 1589 г. митрополита Ростовского и Ярославского Варлаама (Рогова). На первый взгляд может показаться несколько «выпадающим» из ряда этого весомого представительства постриженник небольшого Коряжемского Никольского монастыря Тарасий. Однако эта обитель, основанная в первой половине XVI в. св. Логгином и св. Симоном Сойчинским, была известна подвижническими трудами преподобного Христофора Коряжемского. Таким образом, назначенцы Киприана должны были стать трансляторами традиционного монастырского уклада, проводниками строгих канонов иноческого образа жизни в молодых обителях далекой восточной окраины.

Второе направление в деятельности архиепископа Киприана было связано с расширением сети монастырей путем организации новых обителей в районах активной крестьянской колонизации, а также обособленных от мужских женских монастырей. Проезжая через Верхотурье к месту своего назначения, сибирский владыка обратил внимание на то, что там «многие старицы в мире жили, постригшись от мужей своих», и дал распоряжение о строительстве Покровской женской обители в Верхотурье. Также он инициировал создание Невьянского Богоявленского мужского монастыря на р. Нейве, где появились первые крестьянские поселения, а храмов еще не было¹⁵.

Одним из монастырских «нестроений» было нарушение основополагающего принципа монашества – изоляции от мирской жизни, чтобы не было соблазнов и искушений отказаться от аскетичес-

¹⁴ См.: Монашество и монастыри в России ... С. 167–168. Последняя Лествица помещена в Соборном Уложении 1649 г. (глава X, ст. 32, 44, 45, 51, 53, 55–57). См.: Соборное Уложение 1649 года. Л., 1987. С. 34–35. Лествица – список участников церковных соборов.

¹⁵ См.: Грамота царя Михаила Федоровича в Верхотурье воеводам И. Пушкину и Д. Зубову о руге монастырям Верхотурского уезда и об их переписи от 28 июля 1621 г. // Миллер Г. История Сибири. Т. 2. С. 315–316.

ких правил иноческого бытия. С этим было связано третье направление в мероприятиях архиепископа Киприана. Приняв постриг в болезни, «многие всякие люди, служилые и казаки, и казацки жены» продолжали жить в своих домах «по-прежнему с мужи своими, а мужи з женами», а некоторые расстригались и «платье чернечское с себя сметывали»¹⁶. Нарушители мотивировали свои поступки тем, что «оне стригутца в болезнях, а как от болезней облегчают, и оне живут в своих домах поневоле, где хто жил, по-прежнему для того, что прокормитца им нечем»¹⁷. Поскольку в Туринске, Березове, Сургуте, Томске, Кетске, Таре, Нарыме и Мангазее не было монастырей, то чернецы и черницы «приходили к мирским церквам», то есть пытались создавать монашеские общины при приходских храмах¹⁸. Они не получили государственной поддержки («хлебново и денежново жалованья») и поэтому были вынуждены поневоле грешить, то есть жить с мирянами. Когда архиепископ Киприан распорядился отправить монахов в монастыри Тобольска, Тюмени и Верхотурья, они его «не послушали, в монастыри житии не пошли, а говорят, что в тех монастырех чернцом и черницам дают наше жалованье указное, а им де, прибылым чернцом и черницам, не дадут ничего»¹⁹. Таким образом, серьезным препятствием к упорядочиванию иноческой жизни в регионе стал вопрос содержания монашествующих.

Необходимо отметить, что архиепископ Киприан действовал в русле постановлений церковного собора 1551 г. Стоглавый собор согласился с царем Иваном IV, что «чернцы и черницы по градом по селам скитаются в миру на соблазн и многим людям на осуждение, и душам на погибель»²⁰. Тогда было принято решение определять

¹⁶ См.: Грамота царя Михаила Федоровича в Верхотурье воеводам И. Пушкину и Д. Зубову о руге монастырям Верхотурского уезда и об их переписи от 28 июля 1621 г. С. 315–316.

¹⁷ Грамота царя Михаила Федоровича архиепископу Киприану по его отписке патриарху Филарету о неурядках в сибирских монастырях, духовных делах... от 29 июля 1622 г. С. 195–196.

¹⁸ В Березове и Туринске монастыри в это время уже были.

¹⁹ Грамота царя Михаила Федоровича архиепископу Киприану по его отписке патриарху Филарету о неурядках в сибирских монастырях, духовных делах... от 29 июля 1622 г. С. 195–196.

²⁰ Стоглав // Российское законодательство X–XX вв. М., 1985. Т. 2. С. 349.

нищенствовавших трудоспособных монахов и монахинь на воспитание к «добрым старцам», а немощных – в богадельни.

Материальное обеспечение монастырей стало четвертым направлением в деятельности архиепископа Киприана. У сибирского владыки и московских властей оказались разные представления о способах решения этой проблемы. Помимо запретов и обещаний жестокого наказания за духовные нарушения царским указом было предписано: «...чернцов и черниц ис тех сибирских городов, в которых манастирей нет, перевести в сибирские города, в которых есть монастыри, а на прокормление и на платье тем чернцом и черницам велеть давать по уложению правилному тем людям, чей хто был муж или жена, или брат, или сестра, и хто с кем жил не в розделе, чтоб тем людям, будучи в манастирех, было чем питаться»²¹. Из этого распоряжения следует, что центральные власти делали ставку на то, что содержание иночествующих в монастырях возьмут на себя их родственники, а не казна, как на то рассчитывали сами принимавшие постриг.

Переадресовывая это распоряжение местным воеводам, архиепископ Киприан добавил: «...или что кому укажет дати архиепискуп, чтоб тем чернцом и черницам в пище и в платье оскуденья никоторого не было и по миру бходя не позорились»²². Может быть, более реально представляя ситуацию на местах, сибирский владыка считал себя вправе самостоятельно принимать решения о дополнительных источниках обеспечения обитателей. Производя назначения настоятелей монастырей, он настаивал на сохранении государственной денежной и хлебной руги, которую получали монастыри до 1621 г., а также добивался выделения обителям земельных и промысловых владений «чем им сытыми быти»²³.

На протяжении XVII в. государственная денежная и хлебная руга сохранялась только несколькими монастырям Западной Сиби-

²¹ Грамота царя Михаила Федоровича архиепископу Киприану по его отписке патриарху Филарету о не порядках в сибирских монастырях, духовных делах... от 29 июля 1622 г. С. 197.

²² Отписка тобольского воеводы М. Годунова туринскому воеводе С. Апухтину ... С. 295.

²³ См.: Грамота царя Михаила Федоровича в Верхотурье воеводам И. Пушкину и Д. Зубову о руге монастырям Верхотурского уезда ... С. 315–317.

ри – Верхотурским Николаевскому мужскому и Покровскому женскому, а также Тюменскому Ильинскому женскому. В Тобольской Знаменской и Березовской Воскресенской обителях жалование получало только управленческое звено (архимандрит или игумен, казначей и келарь), а также духовенство, обслуживавшее монастырские храмы. Предпринимались попытки отказать в руге тем монастырям, которые имели вотчины, но они не увенчались успехом²⁴. Со временем все мужские монастыри получили земельные владения.

Распоряжение патриарха Филарета о содержании монашествующих на средства родственников основывалось на традиции делать вклад при поступлении в монастырь²⁵. Такая практика получила распространение и в западносибирских монастырях. Как показывают вкладные книги Далматовского Успенского монастыря последней четверти XVII в., намереваясь связать свою жизнь с монастырем, люди делали вклады в основном скотом, реже – деньгами, утварью и одеждой, иногда вклад отработывали. Например, чтобы получить постриг, Леонтий Венедиктов Плесинец дал вкладом мерина и на год привел трудиться в монастырском хозяйстве сына Степана с женой. Некоторым вкладчикам за их труды выдавалась вкладная запись, в которой было указано, что если кто-то из них «захочет жить в обители и ево поить, и кормить, и обувать, и одевать и захочет постригтися и ево постритчи безденежно, а иного вклада с него не спрашивать»²⁶.

Вкладные записи дают основание полагать, что вклады были не столько добровольным, сколько обязательным условием пострига. Вместе с тем освященным собором 1682 г. было предписано «скудных и не имеющих у себя имения» людей, «желающих спасения» постригать «безвкладно»²⁷. В рассматриваемых вкладных книгах

²⁴ Например, Верхотурскому Николаевскому монастырю в 1622 г. См.: Грамота на Верхотурье воеводе Ивану Пушкину о разрешении земельных вкладов в Никольский Верхотурский монастырь и о сборе выдельного хлеба со всяких людей, кроме служилых, от 2 ноября 1622 г. // Миллер Г. История Сибири. Т. 2. С. 336.

²⁵ См.: *Смолич И. К.* Русское монашество ... С. 168.

²⁶ Вкладные книги Далматовского Успенского монастыря ... С. 21, 115 и др.

²⁷ Соборное постановление по предложениям царя ... С. 112.

зафиксированы случаи, когда дети, приводя в монастырь своих престарелых родителей, делали вклады, тем самым обеспечивая их содержание.

В грамотах 1621 г. сообщения о назначениях настоятелей и причетников завершались приблизительно одинаковым предписанием архиепископа – «ведати и строити им (игумену, строителю, черному попу. – *И. М.*) за один з братьею». В наказе руководству Тюменского Преображенского монастыря дана более развернутая формулировка: «...монастырь строити и велел (Киприан. – *И. М.*) с ними, чтобы питии и ести братье в трапезе собрати»²⁸. Эти лаконичные фразы свидетельствуют о том, что сибирские монастыри должны были быть общежительными.

Одним из важнейших требований монастырских общежительных уставов было полное послушание иноков воле и распоряжениям монастырского настоятеля, отвечавшего за порядок в монастыре. Он имел право наказывать (смирять) провинившихся монахов. Возникали ситуации, когда братия, оставшись без игумена, становилась неуправляемой. Так произошло в Тобольском Знаменском монастыре в 1633 г., когда скоропостижно скончался архимандрит Тарасий. Архиепископ Макарий не нашел ему достойную замену в Тобольске, а потому монастырь «был приказан» казначею старцу Аркадию и черному попу Галактиону, которые не смогли удержать прежний порядок в обители. Как сообщал сибирский владыка в Москву, «того Знаменсково манастиря чернецы неподначальные из манастиря бродят и, по дворам бродя, за монастырем ночуют, а смирять их в Знаменском манастире некому»²⁹. По просьбе Макария царь «учинил указ» послать в Тобольск архимандрита из Вологды.

Вопрос о бродяжничестве монахов и монахинь неоднократно поднимался на церковных соборах. Так, собор 1667 г. запретил монашествующим покидать монастырь без разрешения настоятеля, нарушителям грозили тяжкие епитимьи. Обращаясь с вопросом к освященному собору в ноябре 1681 г., царь Федор Алексеевич указал на серьезные «нестроения» в монастырях, в том числе и

²⁸ *Миллер Г.* История Сибири. Т. 2. С. 321.

²⁹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Д. 165. Л. 6.

на то, что «монахи, не хотя быть в послушании, отходят в иные монастыри и тем монашеское крепкое житие упразднилось». Ответом на царское беспокойство явилось предписание чернецов, которые нарушили обет послушания и «безчинно живут на Москве и в городах, ходят по кабакам и по корчмам и по мирским домам, упиваются до пьяна и валяются по улицам», свозить в особые монастыри. Например, в Москве таким исправительным местом должен был стать Пятницкий монастырь. Епархиальным архиереям следовало поступать аналогичным образом. Монахинь, которые «безчинно» постриглись вне монастыря и «ходят по мирским домом и садятся по улицам и по переулкам, просят милостыни», епархиальное руководство должно было ссылать в мужские монастыри с вотчинами, расположенные рядом с городом, где находилась резиденция архиерея, чтобы последний мог лично контролировать процесс исправления. Такое решение было продиктовано тем, что женских монастырей с вотчинами было мало, а «прокормиться без вотчин в монастырях нечем». Для управления ссыльными монахинями архиереи должны были направить в мужские монастыри «стариц добрых»³⁰. Очевидно, такая практика наказания существовала и ранее. Так, в 1674 г. сибирский митрополит Корнилий «обратил на обещание» в Далматовскую обитель старца Паисия Безногого, жившего после двух побегов в Нижнеисетском остроге, и старца Евстратия, «склонного к мирской и рассеянной жизни». Было указано первого держать в цепи под крепким присмотром, а последнему «воли не давать»³¹. С того времени и до конца XVIII в. Далматовский монастырь оставался местом ссылки на исправление духовных лиц мужского и женского пола.

Вместе с тем в Западной Сибири имели место случаи, когда вполне легально монахи переселялись из монастыря в монастырь. Так, в 1671 г., передав в казну Далматовского монастыря 23 пудовых кади пшеницы в качестве вклада, старец Леонид из Тобольского Знаменского монастыря перешел жить в обитель на реке Исети³².

³⁰ См.: Соборное постановление по предложениям царя ... С. 115.

³¹ См.: ГАШ. Ф. 224. Оп. 1. Д. 3243. Л. 144 об.; Стоглав. С. 349.

³² См.: Вкладные книги Далматовского Успенского монастыря ... С. 10.

В отношении перехода монахов в другой монастырь собор 1667 г. высказался неоднозначно. В разделе «О монашеском чине» предписывалось монахам и инокиням оставаться в тех обителях, где они приняли постриг, и «терпети до последнего своего издыхания». Настоятели монастырей не должны были принимать чужих монахов. Однако в главе 6 «Вопросы патриархом и их ответы» запрещался только переход без благословения архиепископа³³. Такая же позиция была высказана и собором 1682 г.³⁴ Таким образом, высшим церковным органом признавалась возможность переселения монахов из монастыря в монастырь, легализованная разрешением епархиального архиерея.

Любопытная история произошла со старцем Устюжского Ивановского монастыря Саватием (Балазиным). В середине 1660-х гг. он отправился в сибирские понизовые города с иконой Иоанна Предтечи собирать милостыню для монастырских нужд. За 10 лет Саватий собрал 150 руб., но возвращаться в Великий Устюг не захотел и поселился в Тюменском Преображенском монастыре. В 1675 г. на его поиски отправились старец Зосима и вкладчик Иван Иванов; в их задачу не входило возвращение Саватия, нужно было лишь забрать у него собранные деньги. «Невозвращенец» был найден в Невьянском Божоявленском монастыре, а затем в верхотурской таможенной избе у него было изъято 150 руб. Получив подорожную и деньги, старец Зосима с вкладчиком Иваном отправились в Великий Устюг. Судя по имеющимся документам, проживание Саватия в одном из сибирских монастырей не расценивалось как какое-то противозаконное действие.

К сожалению, имеющиеся источники не содержат систематических сведений о мобильности или постоянстве составов монашеских общин Западной Сибири в XVII в. Формулярные списки для духовенства будут введены только в XVIII в. Попытаемся, однако, сделать ряд наблюдений на основе поименных списков братии Верхотурского Николаевского монастыря. Иногда в городских окладных книгах фиксировалось не только количество старцев, получивших ругу, но и приводились поименные росписи. Табл. 2

³³ См.: Книга соборных деяний о разных делах и о нужных церковных винах ... С. 26, 76 об.

³⁴ См.: Соборное постановление по предложениям царя ... С. 113.

составлена на основе семи таких списков, между которыми – разные временные интервалы. В первый столбец внесены все имена согласно спискам, а в остальных показана частота их упоминаний в окладных книгах. Скорее всего, численность верхотурской братии, получавшей ругу, была регламентирована. В первой половине столетия их было 12, затем количество монахов увеличилось до 15 человек. В 1700 г. монастырская братия насчитывала 16 человек³⁵. Рсально монахов в обители могло быть и больше.

Таблица 2

**Состав монахов
Верхотурского Николаевского монастыря в XVII в.**

Имена монахов	1631/ 32 г.	1633/ 34 г.	1649/ 50 г.	1651/ 52 г.	1657/ 58 г.	1671/ 72 г.	1695/ 96 г.
Иев, черный поп	+						
Авраамий, игумен		+					
Андреян, черный поп			+				
Питирим, черный поп				+			
Игнатий, черный поп					+		
Варлаам, архимандрит						+	
Александр, архимандрит							+
Сергий, келарь	+						
Демид, келарь		+					
Авраамий I, келарь			+				
Иван, келарь					+		

³⁵ См.: РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1235. Л. 1.

Продолжение табл. 2

Имена монахов	1631/ 32 г.	1633/ 34 г.	1649/ 50 г.	1651/ 52 г.	1657/ 58 г.	1671/ 72 г.	1695/ 96 г.
Мисаил, келарь						+	+
Маркел, казначей	+	+					
Семион, казначей			+	+			
Феофил, казначей					+		
Митрофан, казначей						+	
Авраамий 2, казначей							+
Варлам	+	+	+	+	+		
Галактион	+	+					
Герасим	+	+					
Корнилий	+	+	+	+	+	+	+
Филарет	+	+					
Дионисий	+						
Конан	+						
Матфей	+						
Саватий 1	+						
Илья		+					
Пафнутий		+	+	+	+		
Феодосий 1		+					
Киприан		+					
Афанасий			+	+	+		
Иван			+	+			
Лазарь			+	+	+	+	+
Леонтий			+	+	+		
Саватий 2			+	+	+	+	+
Феофил			+	+	+		
Авраамий 3					+	+	+
Варсонофий						+	+

Имена монахов	1631/ 32 г.	1633/ 34 г.	1649/ 50 г.	1651/ 52 г.	1657/ 58 г.	1671/ 72 г.	1695/ 96 г.
Антоний						+	+
Давыд						+	+
Власий						+	+
Моисей						+	+
Павел						+	+
Гурий						+	+
Феодосий 2						+	+
Всего	12	12	12	12	12	15	15
Из них новых старцев по сравнению с предыдущим списком, чел./%	—	6/50	9/75	1/8	4/33	11/73	2/13

Источники: Окладные книги Верхотурья. 1631/32 г. (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 24. Л. 35–36); *То же.* 1633/34 г. (Там же. Кн. 41. Л. 11–12); *То же.* 1649/50 г. (Там же. Кн. 225. Л. 47); *То же.* 1651/52 г. (ТОКМ. КП 12670. Л. 2); *То же.* 1657/58 г. (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 341. Л. 41); *То же.* 1671/72 г. (ТОКМ. КП 12599. Л. 1 об.); *То же.* 1695/96 (Там же. КП 12560. Л. 8 об. – 11).

По данным 1621 г. братия Верхотурского Николаевского монастыря насчитывала 6 человек³⁶. Согласно переписной книге 1624 г., в этой обители жили игумен Авраамий, келарь строитель Макарий, черный поп Феодосий и старец Антоний, то есть всего 4 насельника³⁷. К 1631/32 г. количество монахов увеличилось до 12 человек. В 1633/34 г., то есть всего через 2 года, состав верхотурской братии сменился наполовину. Так, игумен Авраамий, известный по документам с 1622 г., в 1631/32 г. был заменен черным попом Иевом, но в 1633/34 г. возвращен к управлению обителью³⁸.

³⁶ См.: АИ. СПб., 1841. Т. 3. С. 140.

³⁷ См.: РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 5. Л. 188 об.

³⁸ Подробнее о настоятелях см.: Манькова И. Л. Настоятели Верхотурского Николаевского монастыря XVII – первой четверти XVIII вв. // Культурное наследие российской провинции: история и современность. К 400-летию г. Верхотурья : тез. докл. и сообщ. Всерос. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 1998. С. 289–293.

В окладной книге 1633/34 г. указано, кто вместо кого стал получать ругу. Только в одном случае отмечено, что вакансия образовалась из-за смерти старца. Очевидно, остальные по каким-то причинам покинули монастырь, что может свидетельствовать о высокой степени мобильности монашествующих в городском монастыре в начале 1630-х гг.

Существенные изменения в составе верхотурской братии произошли в периоды с 1633/34 г. по 1649/50 г. (за 16 лет) и с 1657/58 г. по 1671/72 г. (за 14 лет). Это может объясняться возрастным фактором, а именно преклонным возрастом монашествующих, или переходом насельников в другие монастыри. Картина коренным образом изменилась в последней четверти XVII в. С 1671/72 г. по 1695/96 г. (в течение 24 лет) состав братии оставался стабильным. Устойчивость состава в последний, довольно продолжительный, период может свидетельствовать о том, что постриг принимали в относительно молодом возрасте. Не исключено, что как изменения в составе братии Верхотурского Николаевского монастыря, так и стабильность были связаны и с переменами в материальном положении обители. В 1630/31 г. обитель лишилась своих пахотных владений, расположенных рядом с городом. Только в 1669/70 г. братия добилась выделения монастырю новых земель на р. Пышме взамен утраченных. К концу 1670-х гг. окончательно сложилась монастырская вотчина на р. Тагиле³⁹. Именно пышминские и тагильские владения стали основными поставщиками хлеба в монастырские житницы в последней четверти XVII в.

Сведения о повседневных богослужебных практиках в монастырях попадали на страницы документов крайне редко. Таким уникальным случаем являются материалы следственного дела 1664 г. в Далматовском Успенском монастыре. Проведенное следствие показало, что в этой обители строго соблюдался чин богослужения, несмотря ни на какие политические веяния. С начала существования монастыря в нем был установлен такой порядок: если дни ангела царя и царицы, их детей и сестер монарха приходились на дни поста, то молебен совершался только за их душевное спасение и многолетнее здравие, а празднование проводилось после светлой недели. Очевидно, это не было общеустановленной практикой,

³⁹ См.: ДАИ. СПб., 1862. Т. 8. С. 186; РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 487. Л. 452.

потому что 17 марта 1664 г. черный поп Филарет и священник Иван попытались отслужить литургию в честь дня ангела царя Алексея Михайловича, но уставщик Исаак запретил им это делать, за что и попал под следствие. При разбирательстве дела выяснилось, что, действительно, праздничную литургию не служили, потому что в те дни в монастыре было «коленное поклонение», однако «за государево здоровье молили Богу в посте и молебен пели», а празднования не было. Это было сделано по распоряжению старца Далмата. К тому времени он вернулся к уединенному образу жизни. Для него в монастырской ограде была построена отдельная келья, где старец провел «в затворе» остаток жизни. Но даже в уединении Далмат был в курсе всего, что происходило в обители, и его слово было решающим для братии. Как он сам писал в 1664 г., без его веления «братия по своим волям до сего дни никакого дела духовнаго и телеснаго делать не начинали и не делали»⁴⁰. Это свидетельствует о большом авторитете старца Далмата среди братии.

Значительная доля послушаний монахов была связана с монастырским вотчинным хозяйством. Во время сбора урожая кого-то из старцев назначали к монастырским житницам принимать зерно, кто-то отвечал за скотный двор, а кто-то сопровождал монастырские обозы или суда с рыбой и хлебом в Верхотурье, Тобольск или Соль Камскую. Посельные старцы управляли монастырскими поселями – центрами хозяйственной жизни в отдаленных районах монастырской вотчины. Кого-то посылали собирать милостыню. Так, в 1642 г. строитель Тихон с братией Невьянского Богоявленского монастыря, прося у царя новые земельные пожалования, тарханную грамоту, ругу и освобождение их работников от уплаты пятого снопа, писали, что они (19 чернецов и 17 служебников) питаются «в миру по городом и по селам и по деревням, считаючися Христовым именем, на строение твоему государеву богомолью цареву божию, на свещу и на фимиян збираем, и священников и дьячков и пономаря наймует, а наем даваем из Бога ради нищаго нашего собрания»⁴¹.

⁴⁰ Следственное дело 1664 г. по извету старца Далматовского монастыря Макария на старцев этого же монастыря Лога, Никона и Исаака о непристойных словах в адрес царя и архиепископа Сибирского и Тобольского Симеона и о непраздновании государевых дней ангела в монастыре // Вкладные книги Далматовского Успенского монастыря... С. 197.

⁴¹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Д. 65. Л. 96.

Таким образом, XVII столетие стало временем формирования слоя монашества в западносибирском обществе и традиций иноческого образа жизни. В целом проблемы и трудности становления западносибирских монастырей как институтов православной церкви на недавно присоединенной территории не являлись региональной спецификой, а были характерны для всего российского монашества, о чем свидетельствуют постановления церковных соборов второй половины XVII в.

Д. А. Редин
Екатеринбург

Административные структуры Вятки в первый период петровских преобразований (1699–1719 гг.)*

Одной из характерных черт развития Русского централизованного суверенного государства был медленный, зачастую интуитивный и основанный на методе проб и ошибок процесс унификации управления. Анализируя завершающий период объединения русских земель под властью Москвы в последние годы правления Ивана III, В. О. Ключевский отметил как главное внутреннее противоречие великокняжеской политики колебания между двумя принципами («началами», «порядками», по определению историка) организации власти: частно-правовым, вотчинным, с одной стороны и публично-правовым, государственным – с другой¹. Земли и княжества, которые инкорпорировало в свой состав Великое княжество Московское к концу XV – первой четверти XVI в., обладали разным опытом предшествовавшего управления, обусловленным различия-

* Работа выполнена при финансовой поддержке Федерального агентства по науке и инновациям в рамках НИР «Социокультурные и институционально-политические механизмы исторической динамики переходных периодов», шифр 2009-1.1-301-072-017.

¹ См.: *Ключевский В. О. Русская история: полный курс лекций* : в 2 кн. Минск ; М., 2000. Кн. 1. Лекция XXVI. С. 571–573.

© Редин Д. А., 2009